новгородцы захотели установить праздник знамения тотчас после победы или вообще в период домонгольский. Сделать это — значило бы нанести суздальцам тяжкое оскорбление, а на это они не могли решиться ни при Андрее Боголюбском, к которому они, несмотря на победу, обратились в следующем, 1170, году, ни при его преемниках до конца домонгольского периода.[86]

Если исключить указанное недоразумение, то изображений «Богоматери Знамения» остается не так уж много. Хронологически за чудотворной иконой следуют две фрески Спаса-Нередицы, в апсиде жертвенника и в алтарной апсиде (в последней богоматерь изображена в полный рост). Затем идет икона женского Зверина монастыря в Новгороде, датируемая В. Н. Лазаревым первой третью XIII в. Она находится в частном собрании Павла Корина (Москва) и доступна исследователям по превосходным цветным репродукциям.[87] Этим домонгольский период исчерпывается, дальнейшее изображение «Богоматери Знамения» — фресковая полуфигура работы Феофана Грека в северо-западной угловой камере расписанной в 1378 г. церкви Спаса на Ильине.[88] В 1382 г. исполнено последнее известное нам древнее изображение «Богоматери Знамения», очень плохо сохранившаяся фреска алтарной конхи новгородской церкви Рождества на кладбище.

Типологический предшественник русской «Богоматери Знамения», византийская «Платитера Влахерниотисса»,[89] имеется в апсиде храма св. Германа на балканском озере Преспа (1006 г.)[90] и в мозаике Вифлеемской базилики (1169 г.).[91] Круглый медальон на груди богоматери мог возникнуть, по мысли Н. П. Кондакова,[92] как наглядное выражение торжества восстановленного иконопочитания, по аналогии с портретами византийских императоров, жаловавшимися высшим сановникам для ношения на мундирах. Единства взглядов на происхождение медальона с Эммануилом не существует. На древнейших изображениях Эммануил находится на овальном щите, который богоматерь держит руками перед собой, причем строгая симметрия композиции развивается постепенно — щит сдвинулся на середину, руки богоматери, поддерживавшие щит в произвольно выбранных местах контура, возделись кверху в молитвенном жесте Оранты. Форма щита превратилась в круг, и он словно повис, ничем не прикрепленный к одеждам богородицы. Одни исследователи его осмысливают как прозрачную сферическую модель вселенной, внутри которой мистически явилась голова предсказанного пророком Эммануила,[93] другие считают изображение плоским, оно как бы показывает, что богоматерь держит в руках не сына своего, а бога, находящегося на небеси в небесных кругах. «Эти небесные круги сохранились в картинах. Такие изображения дали нам итальянцы XIV столетия, еще полные воспоминаний

---

[86] См.: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I_2. М., 1904, стр. 407.

[87] См.: K. Onasch. Ikonen. Berlin, 1961, табл. 18; В. И. Антонова. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966, стр. 25—28, табл. 1—6.

[88] См.: В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 38—40.

[89] См.: K. Wessel. Apsisbilder. Die Platytera Blacherniotissa: Reallexikon zur byzantinischen Kunst, 2. Lfg. Stuttgart, 1963, стлб. 290.

[90] См.: St. Pelekanides. Βυζαντινὰ καὶ μεταβυζαντινὰ μνημεῖα τῆς Πρέσπας Thessalonike, 1960.

[91] См.: В. К. Мясоедов, Н. П. Сычев. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925, стр. 13.

[92] См.: Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. 2. Пгр., 1915, стр. 108

[93] См.: W. Felicetti-Liebenfels. Geschichte der byzantinischen Ikonenmalerei. Olten—Lausanne, 1956, стр. 92.